

Древнерусская мелкая пластика из камня в Ростове

В.Г. Пуцко

Большая часть рассматриваемых здесь произведений художественной резьбы по камню была выявлена и изучена в 1966–1967 гг., и впервые опубликована в 1971 г.¹ Более раннему напечатанию статьи в журнале «Советская археология» воспрепятствовал отрицательный отзыв Т.В. Николаевой, написавшей: «Большинство иконок автор относит к Новгороду только на том основании, что первые собиратели музея скупали древние произведения, в частности, и в Новгороде. Но известно, что ни в старой литературе, ни в документации Ярославо-Ростовского музея прямых указаний о покупке мелкой пластики в Новгороде нет. Есть лишь общие сведения о покупке вещей... Иконки с изображением «Гроба Господня» известны повсюду, разнообразны по стилю и иконографии, и связанными только с Новгородом быть не могут. В статье Рындной по этому поводу тоже много натяжек и несоответствий. Исследователям пластики следует учитывать, что меньше всего известно пластики с точной атрибуцией именно новгородской. В Новгороде не сохранилось полного фонда пластики ни из церквей, ни из монастырей. А то, что сейчас находят в Новгороде археологи, не имеет ничего общего с вещами, приписываемыми Новгороду». Таковым было мнение одного из лучших исследователей древнерусской пластики. Однако я предпочел ошибаться, чем писать по чужой подсказке, и вскоре свои атрибуции обнародовал в Праге.

Кажется, едва ли не единственным откликом на статью в печати было замечание А.В. Рындной: «Не имея возражений против новгородской атрибуции группы рельефов, мы должны отметить в ряде случаев неточность датировок, тенденцию к удревнению памятников. Эта ошибка закономерна, ибо только пристальное исследование новгородской пластики в целом может показать, что архаизация под воздействием образцов XII – XIII вв. – один из основополагающих признаков местной резьбы XIV в. ... В работе В.Г. Пуцко привлекает тенденция связать каменные рельефы с отдельными новгородскими иконами. Правда, подобные сопоставления приобрели бы большую весомость, если бы был расширен диапазон охвата самих резных изделий»². (По словам Т.В. Николаевой, напротив, «датировки икон, предложенные В.Г. Пуцко, больших возражений не вызывают»). Спорить о расширении диапазона охвата материала, естественно, не приходилось. Но хуже всего то, что образцы каменной резьбы тогда, в основном, оставались неизданными, и получить доступ к ним удавалось далеко не во всех музеиных хранилищах, а о получении фотоснимков вообще не могло быть и речи. По крайней мере, для меня, делавшего первые шаги в науке.

Прошедшие десятилетия, за которые успели выйти своды как

Рис. 1. Каменные резные иконки и крест-тельник. XIII - XIV вв.

древнерусских, так и византийских каменных икон³, позволяют сегодня уже несколько иначе взглянуть на хранящиеся в Ростове образцы, среди которых есть и прежде не обращавшие на себя внимание исследователей, известные лишь по упоминаниям в старых обзорах музеиных коллекций. Все это и побудило кратко

охарактеризовать произведения; некоторые из них могли бы стать предметом монографического изучения. Т.В. Николаева все, что оказалось в Ростове, отнесла к среднерусской группе произведений, на основе лишь догадок и предположений⁴. Насколько это соответствует реальному положению вещей?

На сегодняшний день наиболее ранней надо считать икону из светло-серого сланца (разм. 4,5 x 3,5 x 0,4 см), с поясным изображением Ильи Пророка, из ростовского Богоявленского А враамиева монастыря (рис. 1:1), первоначально датированную не позже чем XIV в.⁵ Т.В. Николаева справедливо отнесла изделие к началу XIII в.⁶ Продолженные наблюдения, между тем, привели к заключению о признаках индивидуальной манеры резьбы, свойственной старорязанской иконе из коричневато-серого сланца, с изображением Деисуса, обычно датируемой XII в. (№ 311). Две рельефных каменных иконы киевского круга, начала XIII в., на одной из которых полуфигура Христа Пантократора (№ 4), а на другой – св. Николы (№ 5), образуют с уже упомянутыми единую стилистическую группу. Тем самым косвенно предрешается и вопрос о генезисе манеры, отличающейся тонкой проработкой лиц, с детальной моделировкой прямых носов и сходными приемами очерченных глаз⁷. Речь идет о творческом наследии ремесленника, являвшегося современником более эффектного «мастера Распятия»⁸.

Фрагментарно сохранившаяся двусторонняя икона из темного камня (разм. 7,6 x 4,6 x 1,3 см), с изображениями Спаса на престоле и Гроба Господня (рис. 1:2), найдена в Ростове близ Лазаревской церкви и поступила в Ростовский музей церковных древностей уже в 1891 г. Первоначально опубликована как выполненная в Новгороде на рубеже XIII - XIV вв.⁹ Т.В. Николаева изделие условно датировала второй половиной XIII в., заметив, что «судя по обобщенной трактовке фигур и древним мотивам орнамента, это одна из ранних икон с сюжетом Гроба Господня» (№ 297). А.В. Рындина принимает эту дату и точно так же считает изделие характерным для искусства среднерусских княжеств XIII – начала XIV в.¹⁰ Против такой локализации надо решительно возразить, принимая во внимание иконографические схемы обеих представленных в резьбе композиций, а также стилистическую характеристику и, наконец, общий художественный контекст¹¹. Речь идет об образе тронного Христа Пантократора с весьма примечательной фигурой предстоящего схимника (предположительно Варлаама Хутынского) и типологии Гроба Господня, прослеживаемой на обширном материале новгородской каменной пластики XIII - XV вв.¹²

На почти квадратной шиферной двусторонней иконе (разм. 5,5 x 5,3 x 1,0 см), из собрания А.А. Титова, в невысоком плоском рельефе представлены поясное изображение св. Николы и Гроб Господень (рис. 1:4). Иконография и стиль побудили при первой публикации изделия его датировку не выводить за пределы XIII в.¹³ Т.В. Николаева предположила изготовление на рубеже XIII - XIV вв. (№ 300), с чем следует ныне согласиться, несмотря на архаизирующую схему композиции Гроба Господня, возможно обязанную более раннему оригиналу. Изображение св.

Рис. 2. Каменные резные иконки и крест-тельник. XV - XIX вв.

Николы восходит к какому-то, по-видимому, чтимому живописному образцу. Рисунок и технические приемы резьбы, прослеживаемые в наиболее сохранившихся деталях, позволяют сблизить это произведение с новгородскими памятниками (№№ 118-120, 124).

Поступившая в 1922 г. из Главмузея каменная икона с округлен-

ным верхом (разм. 4,6 x 3,5 x 0,6 см), с почти поколенным изображением св. Николы (рис. 1:3), похищенная из экспозиции исторического отдела летом 1967 г., была при первой публикации определена как новгородская работа конца XIII в.¹⁴ Эта дата удержана Т.В. Николаевой, лишь расширившей ее до целого столетия (№ 303). Выполненное из красноватого шифера произведение имеет стилистические аналогии именно в новгородской каменной пластике (№№ 86-89).

В 1954 г. на берегу оз. Неро найден четырехконечный крестельник из серого сланца (разм. 3,7 x 2,9 x 0,6 см), с рельефным изображением шестикрылого серафима (рис. 1:5), затем похищенный в 1967 г. вместе с уже упомянутой иконой св. Николы. Ремесленный характер резьбы, отнесенной к рубежу XIII-XIV в., имеющей новгородские стилистические параллели (№№ 128, 131, 133, 130), не позволил настаивать на местном происхождении изделия¹⁵. Предложенная датировка была принята Т.В. Николаевой со знаком вопроса (№ 302). Сюжет для резных каменных крестов русского происхождения (в целом единичных) выбран, надо сказать, необычный, вызывающий ассоциации с видением св. Франциска Ассизского, бывшим в 1224 г.¹⁶ Эта тема в западном искусстве активно разрабатывалась уже с 1230-х гг.¹⁷

В Ростове была найдена также икона из плохо обработанного темно-серого камня (разм. 6,6 x 4,6 x 1,7 см), с выполненным в графической манере полуфигурным изображением св. Леонтия Ростовского¹⁸. Это произведение, обнаруженное 16 октября 1892 г. на берегу оз. Неро, датируемое рубежом XIV - XV вв. (№ 304), интересно главным образом тем, что служит репликой не сохранившегося более раннего живописного образца и соответственно занимает почетное место в ряду известных изображений св. Леонтия¹⁹. В сущности, оно служит разновидностью перенесенного на поверхность камня рисунка, выполненного контурной линией (рис. 2:1).

Из собрания А.А. Титова происходит двусторонняя шиферная икона трапециевидной формы (разм. 4,2 x 3,5 x 1,0 см) с изображениями Богоматери с предстоящим епископом и св. Николы с апостолом (рис. 1:6). При первой публикации она была интерпретирована как явление иконы Богоматери Толгской ростовскому епископу Прохору в 1314 г., а изображение стоящего рядом со св. Николою апостола условно, на основании не очень четкой процарпанной сопроводительной надписи определено как апостол Симон; произведение соответственно датировано первой половиной XIV в.²⁰ Т.В. Николаева, отнесшая изделие к началу XIV в., признала вероятность предложенной трактовки, но склонна была видеть в стоящей рядом со святителем апостольской фигуре Никанора (№ 298). При всем грубоватом ремесленном исполнении, это один из самых примечательных ранних образцов ярославо-ростовской каменной пластики. Лучшему пониманию этого способствует владимирская находка медного образца, воспроизводящего каменный оригинал начала XIV в.²¹

Вероятно, среднерусского происхождения и двусторонняя

шиферная икона с завершением в виде стрельчатой арки (разм. 4,7 x 4,5 x 1,0 см), поступившая в Ростовский музей в 1922 г., с изображениями св. Николы с Козьмой и Дамианом и св. Никиты, избивающего беса (рис. 1:7), датированная первоначально XIV в.²² Т.В. Николаева условно относила ее к XIII - XIV вв. (№ 301). Изображение трех святых, состав которых варьируется, отличает преимущественно новгородскую каменную пластику XIV в. Но обсуждать принадлежность к ней этого образца резьбы практически невозможно, по причине сильной потертости рельефа. Изображение Никиты Бесогона в русской пластике имеет несколько иконографических вариантов, различающихся, главным образом, положением фигуры мученика²³. Здесь он представлен сидящим, как и на новгородском каменном образке (№ 68), но с поднятой над головой палицей, как на образце новгородской же каменной резьбы XIV в. (№ 186). Если учесть, что наиболее широкое распространение этого сюжета, преимущественно в металлоизделиях, приходится на XV - XVI вв., то ростовский образок должен быть отнесен к сравнительно немногим примерам, отражающим сложение иконографической схемы. И это затрудняет его локализацию.

В 1922 г. из Главмузея поступила каменная икона с закругленным верхом (разм. 5,2 x 3,8 x 1,0 см), с полуфигурным изображением св. Николы, выполненным в невысоком мягко моделированном рельефе, а на обратной стороне прочерчен восьмиконечный процветший крест с головой Адама и обычными монограммами (рис. 2:2). При первой публикации произведение определено как новгородское конца XIV в.²⁴ Т.В. Николаева предполагала более общую датировку – XIV в. (№ 299). Резьба выдается профессионализмом исполнения. Изображение отличается хорошим рисунком и редко встречающейся подчеркнутой пластичностью, роднящей отчасти с шиферной новгородской двусторонней иконой рубежа XIV – XV вв. (№ 176), а также византизирующей двусторонней круглой каменной иконой XV в. из Никитской церкви на Торговой стороне в Новгороде (№ 235). Нельзя исключать выполнение хранящегося в Ростове произведения именно в указанное время, в хронологических пределах первой половины столетия.

Вторая группа образцов каменной резьбы скорее относится к московскому кругу. Это, прежде всего, шиферная икона с закругленным (частично обломанным) верхом (разм. 5,1 x 4,4 x 0,6 см), с изображением Ветхозаветной Троицы, иконографически схожим с иконой письма Андрея Рублева (рис. 2:4). При первой публикации данное произведение, поступившее в Ростовский музей в 1892 г., было датировано второй половиной XV в.²⁵, а Т.В. Николаева отнесла его к концу того же столетия (№ 305). Сегодня можно говорить о принадлежности этого и подобных ему каменных образков к числу паломнических, изготовление которых осуществлялось по заказу Троице-Сергиевого монастыря до середины XVI в.²⁶ Стилистически схожей является шиферная овальная икона (разм. 4,6 x 4,1 x 0,6 см), поступившая в Ростовский музей в составе коллекции А.А. Титова в 1921 г., с изображением Богоматери Знамение (рис. 2:5). Это произведение нами

датировано рубежом XV - XVI вв.²⁷, Т.В. Николаевой – XV в. (№ 306). Индивидуальная манера резьбы заметно отличает эту икону от известных новгородских второй половины и конца XV в. (№ 236, 238). Зато она довольно близка прослеживаемой в изображении Спаса Нерукотворного с предстоящими ангелами на шиферном кресте-тельнике (разм. 4,5 x 3,7 x 0,5 см), отнесенным при первой публикации к XVI в.²⁸, а Т.В. Николаевой условно датированном XV в. (№ 307). Сейчас его близость к образцам резьбы рубежа XV - XVI вв. оказывается очевидной. Изделие, принесенное до 1886 г. Д.А. Суриковой в дар Ростовскому музею, принадлежит к числу первых его экспонатов, к сожалению, впоследствии большей частью утерянных²⁹.

В отдельную группу могут быть выделены образцы художественной резьбы по камню XVI в., обнаруживающие несколько различно отличающихся индивидуальных манер, что затрудняет их общую характеристику. Поступившая в музей в 1921 г., возможно из собрания А.А. Титова, каменная икона (разм. 4,3 x 3,4 x 0,5 см), с оплечным изображением Спаса (рис. 2:7), если только не именно она упомянута в литературе как найденная при раскопках в Угличе³⁰. В пользу ее датировки XVI в. говорит уже использование живописного оригинала этого времени, воспроизведенного в рельефе мастерски³¹. Приемы резьбы не исключают принадлежность резцу западного мастера, работавшего в конце XVI в. в придворной мастерской. Четырехконечный крест из красноватого мелкозернистого мрамора, в серебряной оправе (разм. 9,4 x 5,6 x 1,2 см) с лицевой стороны имеет выполненное в довольно обобщенной манере рельефное изображение Распятия с двумя полуфигурами предстоящих (рис. 2:6). При первой публикации был отнесен к XVI в.³² Т.В. Николаева высказалась за XV в. (№ 308). Монументальная каменная резьба, формы кото-

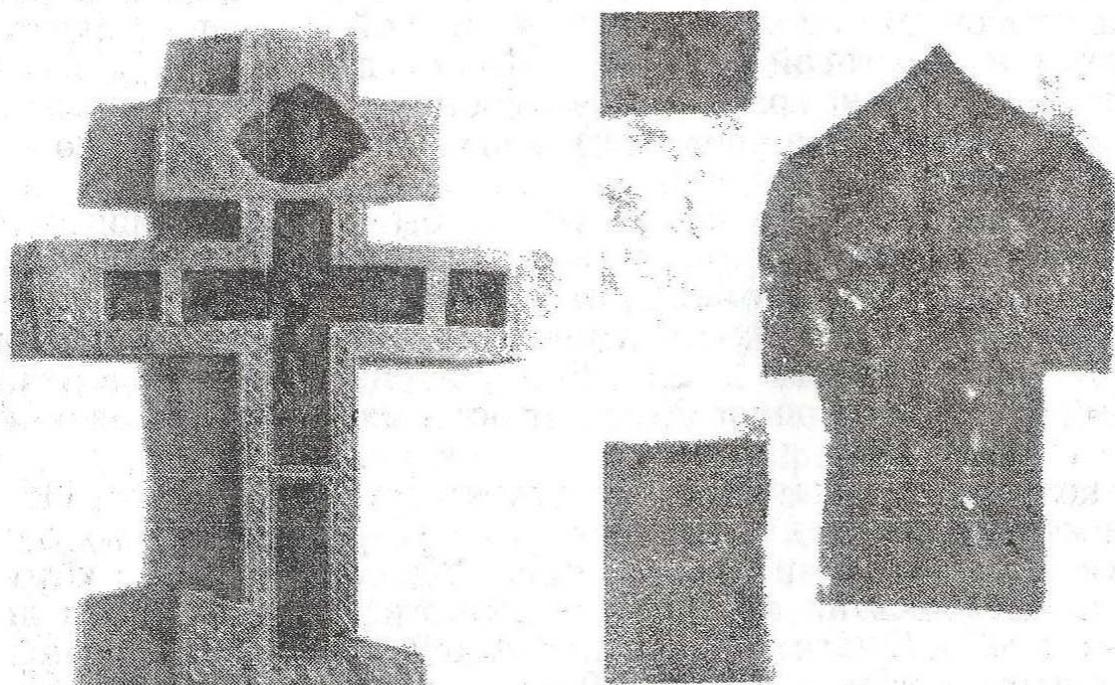

Рис. 3. Резной каменный крест середины XVI в. в серебряной оправе 1695 г. из Богоявленского Авраамиева монастыря.

рой косвенно отражает это изделие мелкой пластики³³, скорее склоняют к более поздней дате, предполагая изготовление примерно в середине XVI в. Наиболее существенную иконографическую и стилистическую параллель дает белокаменный крест 1559 г., вставленный в восточную стену новгородской церкви апостола Филиппа на Торговой стороне. Рассматриваемый крест прежде находился в ростовской церкви Спаса на Площади³⁴. В ростовском Богоявленском Авраамиевом монастыре хранился каменный крест, в 1695 г. заключенный тщанием митрополита Иоасафа Лазаревича в новую серебряную оправу (разм. 26,5 x 12,0 см), с надписью об обновлении³⁵. На лицевой стороне изделия резные рельефные изображения Распятия с предстоящими, Спаса Нерукотворного и святителя; на обратной – представлено в киотце с килевидным завершением Богоявление (рис. 3). Элитарный характер рельефа делает правдоподобным предположение о московском придворном происхождении этого изделия, предназначеннего для упомянутого монастыря, скорее всего в середине XVI в., при Иване Грозном. Произведение заслуживает более тщательного изучения.

В 1925 г. в Ростовский музей поступили изъятые из Белогостицкого монастыря две окружные сердоликовые иконы, заключенные в гладкие серебряные позолоченные оправы, с оглавиями на шарнирах, украшенные бирюзой (инв. № Ц 925/90-91; разм. 4,6 x 3,4 см). На одной из них в невысоком рельефе выполнена многофигурная композиция «Собор архангела Михаила» (рис. 2:8), на другой – «Отечество» (рис. 2:9). Развитие иконографии Собора архангелов в специальной литературе прослежено с исключительной обстоятельностью, и поэтому можно утверждать, что представленный здесь вариант сложился лишь на рубеже XV - XVI вв.³⁶ В древнерусской каменной пластике он неизвестен, где в резьбе XIII в. представлена лишь более лаконичная схема (№ 276). Изображение новозаветной Троицы появляется в русском искусстве в середине XVI в., и, таким образом, ее развитие приходится на более позднее время³⁷. Композиция сердоликовой иконы из Белогостицкого монастыря наиболее близка по своей общей схеме миниатюре лицевого списка Жития преподобного Сергия Радонежского, датируемого концом XVI в. Это обстоятельство вместе с характером оформления икон указывает на их возникновение не ранее, чем около 1600 г. Упрощенный характер резьбы свидетельствует о том, что выполнивший ее ремесленник не имел никакого представления о профессиональном искусстве художественной обработки камня. Однако подобные изделия в это время можно встретить и в ризнице такого исключительно богатого монастыря, как Троице-Сергиев³⁸.

Кроме уже перечисленных в Ростовском музее с 1921 г. хранится икона из глинистого сланца (инв. № Ц 921/50; разм. 7,1 x 6,4 x 1,2 см), с погрудным изображением Спаса, несколько смешанным в правую часть каменной пластины (рис. 2:10). Довольно высокий рельеф со следами позолоты. Не только индивидуальная манера резьбы, но и стиль вряд ли позволяют вслед за Т.В. Николаевой (№ 309) даже условно отнести это изделие к

XVI в.: оно скорее представляется подделкой нового времени, выполненной с использованием европейской гравюры. Подробный его разбор не входит в нашу задачу.

Существующая коллекция образцов мелкой каменной пластики в Ростове, как можно видеть, сложилась из различных поступлений, и лишь немногие из произведений исторически связаны с местными храмами и монастырями. Соответственно иконы своим происхождением связаны с разными художественными центрами. Конечно, нельзя исключать и факт работы в самом Ростове приезжих ремесленников, и это было столь же естественным, как и миграция произведений. Но все это, в конечном счете, ничего не меняет в общих выводах³⁹.

*

- ¹ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом // *Byzantinoslavica*. 1971. Т. XXXIII. С. 86-101. Рис. 1-3.
- ² Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV-XV веков. М., 1978. С. 11.
- ³ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. (САИ. Вып. Е1-60). М., 1983; Kajavrezou-Maxeiner I. *Byzantine Icons in Steatite (Byzantina Vindobonensis. Bd. XV/1-2)*. Wien, 1985
- ⁴ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 38-39.
- ⁵ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 97-98. Рис. 1:6.
- ⁶ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. № 296. С. 126. Табл. 53:1. Номера в скобках, приводимые далее в тексте нашей статьи, соответствуют каталожной части этого издания.
- ⁷ Пуцко В.Г. Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси (в печати).
- ⁸ Пуцко В. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // *Byzantinoslavica*. 1998. Т. LIX. С. 313-315; Медынцева А.А. Мастерская Тудора // РА. 1999. № 3. С. 149-158. Упомянутый в сопроводительной надписи на иконе Саввы Освященного Тудор, скорее всего, был заказчиком, а не ремесленником.
- ⁹ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 93-95. Рис. 2:1а-б.
- ¹⁰ Рындина А.В. Шиферная икона из Ростова Великого // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. Тез. докл. конф. Москва, сент. 1994. СПб., 1994. С. 35-37; Она же. Шиферная икона из Ростова Великого. Иконография и образ // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 251-258.
- ¹¹ Пуцко В.Г. Ростовский фрагмент новгородской каменной иконы // ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С. 95-102.
- ¹² Пуцко В.Г. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник. СПб., 1998. Вып. 98 (35): Сборник памяти Н.В. Пигулевской. С. 159-183.
- ¹³ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 90-93. Рис. 1:3а-б.
- ¹⁴ Там же. С. 95. Рис. 1:2.
- ¹⁵ Там же. С. 96-97. Рис. 1:4.
- ¹⁶ Passerini G. L. I Fioretti del glorioso messere s. Francesco e de'suoi frati. Firenze, 1905. Р. 167-170.
- ¹⁷ Мацулович Л. Хронология рельефов Дмитровского собора въ Владимире Залесском // Ежегодник Российского Института истории искусств. Пб.-М., 1922. Т. 1. Вып. ШШ. С. 270-278; White J. The Date of «The Legend of St. Francis» at Assisi // The Burlington Magazine. 1956. Vol. XC VIII. P. 344-351; Kłoczkowski

- J. Franciszkanie a sztuka europejska XIII wieku // Sztuka i ideologia XIII wieku. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974. S. 165-178.
- ¹⁸ Титов А.А. Кремль Ростова Великого. М., 1905. С. 103-104.
- ¹⁹ Пуцко В.Г. Иконописные изображения св. Леонтия Ростовского: становление традиции // ИКРЗ. 1995. Ростов, 1996. С. 53-62.
- ²⁰ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 86-90. Рис. 1а-б.
- ²¹ Пуцко В.Г., Родина М.Е. Меднолитая икона Богоматери (XIV в.) из Владимира на Клязьме // Рождественский сборник. Ковров, 1997. Вып. IV. С. 82-87.
- ²² Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 98-99. Рис. 1:5а-б.
- ²³ См.: Четыркин И. Иконографические формы св. влкм. Никиты Готского и объяснения значения этих изображений // Известия КУАК. 1898. Т. 1. Вып. 7-8. С. 3-9; Хухарев В.В. К вопросу об изображениях святого великомученика Никиты Бесогона // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1993. Вып. 1. С. 25-29; Ткаченко В.А., Хухарев В.В. Святой мученик Никита Бесогон на крестах и иконках из Калуги // Сквозь века... Мат. 2-й гор. краевед. конф. Калуга, 1999. С. 68-80.
- ²⁴ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 96. Рис. 1:7а-б.
- ²⁵ Там же. С. 99. Рис. 1:8.
- ²⁶ Пуцко В.Г. Паломнические иконы Святой Троицы в России (в печати).
- ²⁷ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 99-100. Рис. 2:2.
- ²⁸ Там же. С. 100. Рис. 2:3.
- ²⁹ Бычков Ф.А. Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. Ярославль, 1886. С. 14.
- ³⁰ Богословский И.Н. Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. М., 1911. С. 28. № 84.
- ³¹ Пуцко В.Г. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом. С. 100-101. Рис. 2:4.
- ³² Там же. С. 101. Рис. 3.
- ³³ См.: Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV-XV веков. М., 1980.
- ³⁴ Шляков И.А. Путевые заметки о памятниках древнерусского церковного зодчества. Ярославль, 1887. С. 12.
- ³⁵ Пуцко В. Ростовское серебряное дело XVII века // Музей применене уметности. Зборник. Београд, 1975-1976. Бр. 19-20. С. 118. Рис. 5а-б.
- ³⁶ Вздорнов Г.И. «Синаксис тон архангелон» // Византийский временник. 1971. Т. 32. С. 181-183. Рис. 24, 25.
- ³⁷ Ретковская Л.С. О появлении и развитии композиции «Отечество» в русском искусстве XIV - XVI веков // Древнерусское искусство XV – начала XVI веков. М., 1963. С. 257-258.
- ³⁸ Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII - XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. № 75, 85, 86.
- ³⁹ Здесь не рассмотрен змеевик из сланца, с надписью, которая «палеографическому анализу не поддается». См.: Михайлова Л.А. Каменный змеевик из фондов Ростовского музея // Музеи Верхней Волги: проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. С. 159-162.